

Заслуженный артист республики

(К 45-летию сценической деятельности Ф. М. Волгина)

В старой, дореволюционной России провинциальных актеров иногда в шутку называли «перелетными птицами».

К сожалению, в этой шутке было очень много правды. В ту пору считалось, и не без основания, что в провинции даже самый талантливый актер не может долго оставаться на одном месте, должен чуть-ли не каждый сезон переезжать из города в город, иначе он рискует примелькаться, надоесть зрителям, т. е. той «чистой» буржуазно-дворянской и чиновничье-мещанской публике, которая, в подавляющем большинстве своем, была глубоко равнодушна к искусству, посещала театр «ради-развлечения», ища в нем либо щекоющих притупившиеся нервы зрелищ, либо забвения скуки жизни.

Вполне понятно, что эта публика не могла оценить углубленной работы актера, радоваться его росту от роли к роли, от образа к образу. Ей до этого просто-напросто не было дела.

Естественно, что в таких условиях актеры вынуждены были вести кочевую жизнь «перелетных птиц».

Когда будет написана история русского провинциального театра дореволюционной эпохи, мы прочтем в ней немало потрясающих страниц о загубленных и исковерканных этой жизнью талантах, которые либо безвременно угасали, либо спивались с кругу, либо превращались в заурядных ремесленников. Выдерживали только по-настоящему сильные характеры, для которых искусство было подвигом служения народу.

И если все-таки дореволюционные провинциальные театры не оскудевали яркими самобытными дарованиями, то это говорило только о поразительной талантливости нашего народа.

Об этом нельзя не вспомнить, когда думаешь о творческом пути заслуженного артиста республики Ф. М. Волгина, сорокапятилетие сценической деятельности которого отмечает общественность нашего города.

Путь этот начал был в глухую пору кануна первой мировой войны в захолустном городишке Западного края — Невеле, куда время от времени приезжали бродячие труппы.

С одной из них юноша Волгин, с детских лет увлекавшийся театром, и покинул отцовский кров, чтобы без гроша в кармане кочевать по уездной России. Во имя любви к искусству можно было вынести все — и голодные ночевки в грязных харчевнях, и придирки самодура антрепренера, но дело в том, что искусство — как раз и не было. Какое уж там искусство, когда приходилось играть самые разнообразные роли с двух-трех репетиций при отсутствии сколько-нибудь серьезной режиссуры. Антрепренер не учил молодого актера, а натаскивал, требуя усвоения наиболее ходовых, дав-

но уже ставших штампами приемов игры.

Путь к по-настоящему осмысленному творчеству, к большому искусству, понимаемому как служение народу, открыла для Волгина только Октябрьская революция, когда в театр пришел новый, невиданный там до того зритель, который смотрел на театр не как на место, где

приятно можно провести время, а как на школу жизни, искал в нем не дешевых развлечений, а пищи для ума и сердца.

Особенно ясно и остро молодой актер ощутил это, когда попал в первые же годы гражданской войны в театр Западного фронта, где бойцы зачастую смотрели спектакли в промежутках между боями, и где актеры не могли не чувствовать своей ответственности перед теми, кто защищал революцию, кого игра их должна была вдохновлять и поднимать на подвиги.

С этим же театром Ф. М. Волгин в 1919 году впервые приехал и в Смоленск, который вскоре стал для него родным городом, так как второе рождение его, т. е. рождение как актера, произошло именно здесь.

Из 45 лет своей творческой жизни три десятилетия Ф. М. Волгин плодотворно работает в Смоленском театре. Все эти годы были для него годами напряженной, углубленной работы над собой и непрерывного духовного обогащения, творческого роста. За эти годы он сыграл буквально сотни ролей в пьесах как классического, так и современного репертуара, и не только не примелькался, не надоел зрителям, а, наоборот, приобрел все более и более широкую популярность среди рабочих и интеллигенции города.

Любовь зрителей к артисту росла вместе с ростом его дарования.

Здесь нет никакой нужды перечислять и анализировать все сыгранные им когда-

либо роли, отмечать удачи и неудачи, сводить плюсы и минусы. Было, конечно, и то и другое. Но неудачи забылись, а удачи, такие, как, например, созданный им образ профессора Полежаева в пьесе «Беспокойная старость», в памяти видевших этот спектакль много лет назад — остались до сих пор. А самое главное — навсегда осталось обаяние светлого, щедрого, жизнерадостного и жизнеутверждающего таланта и всего облика, всей личности артиста-общественника, который все свои силы отдает благородному служению советскому искусству, делу коммунистического воспитания трудящихся.

На глазах зрителей артист вырастал в общественного деятеля. И не случайно, что он является депутатом областного Совета всех созывов.

В годы гитлеровской оккупации Смоленщины Ф. М. Волгин, получивший к этому времени уже звание заслуженного артиста республики, вынужден был эвакуироваться в тыл. Но даже работая в таком крупнейшем театре советской периферии, как Саратовский, где он играет такие роли, как Чугунов в пьесе Островского «Волки и овцы», Шмага в пьесе «Без вины виноватые», Миллер в пьесе «Коварство и любовь» Шиллера, и пользуется большим успехом у зрителей, Ф. М. Волгин не может забыть о родном Смоленске, с которым были связаны лучшие его годы, и вскоре после освобождения Смоленщины частями Советской Армии он возвращается сюда.

Первые спектакли возвратившегося театра, показанные в тесном зальчике медицинского института, были настоящим, большим праздником для смолян, поднимавших из руин и пепла свой многострадальный город. И то, что на театральных афишах стояли давно знакомые и любимые имена артистов — Ф. М. Волгина, Н. А. Зиновьевой, Я. П. Простакова и других, наполняло сердца радостной уверенностью, что жизнь на обожженной войной земле снова возрождается во всей ее полноте и красе. И признательные смоляне оценили патристическую верность своих любимых артистов, которые делили с ними и радости и горести.

За послевоенные годы талант Федора Матвеевича Волгина еще больше окреп. Именно в эти годы ему удалось осуществить свою давнишнюю мечту — сыграть роль Аркашки Счастливцева в пьесе Островского «Лес».

Свой славный юбилей Федор Матвеевич Волгин встречает полным сил и новых творческих замыслов. Его светлый, нестаряющий талант, не отягченный годами, а только умудренный большим жизненным опытом, раскрывает все новые и новые стороны.

Пожелаем же ему еще многих и многих лет плодотворной работы во славу советского искусства, на благо родного города, где созрело и развернулось его чудесное дарование на радость всем нам, его землякам и друзьям.

Н. РЫЛЕНКОВ.